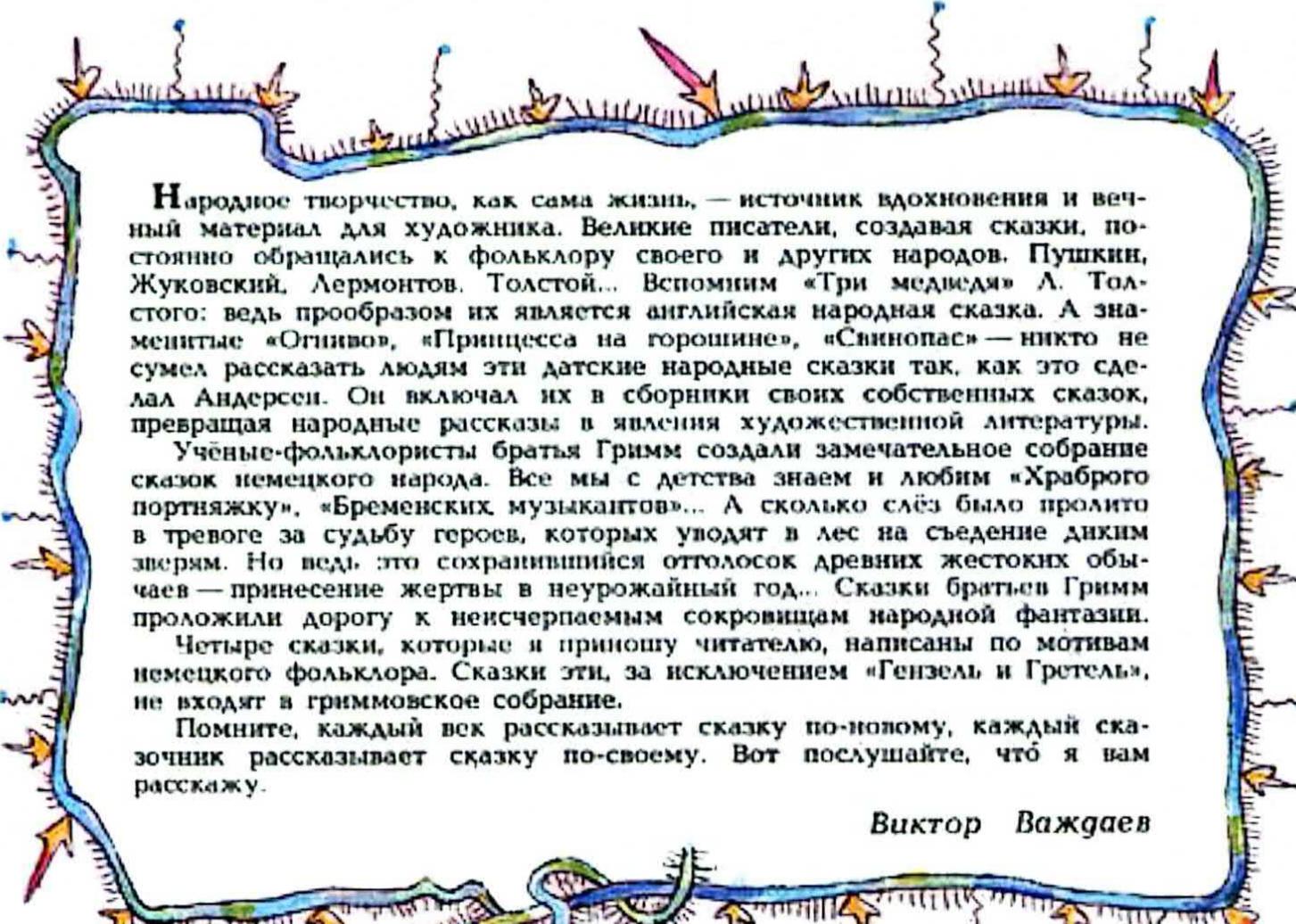

Виктор Важдаев

ВОЛШЕБНЫЕ СПИЦЫ

Издательство

"Малыш" 1976

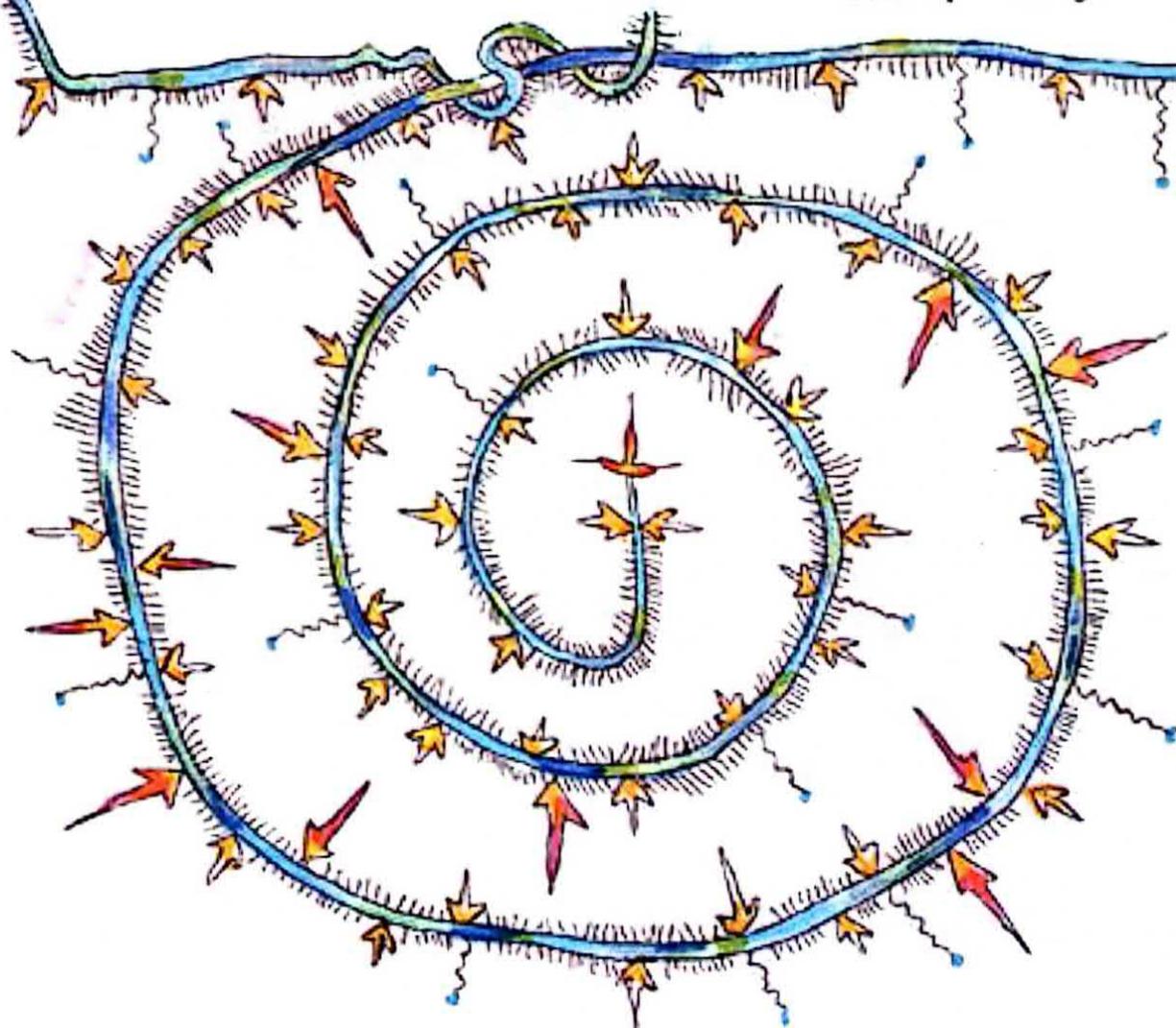
Народное творчество, как сама жизнь, — источник вдохновения и вечный материал для художника. Великие писатели, создавая сказки, постоянно обращались к фольклору своего и других народов. Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Толстой... Вспомним «Три медведя» А. Толстого: ведь прообразом их является английская народная сказка. А знаменитые «Огниво», «Принцесса на горошине», «Свинопас» — никто не сумел рассказать людям эти датские народные сказки так, как это сделал Андерсен. Он включал их в сборники своих собственных сказок, превращая народные рассказы в явления художественной литературы.

Учёные-фольклористы братья Гримм создали замечательное собрание сказок немецкого народа. Все мы с детства знаем и любим «Храброго портняжку», «Бременских музыкантов»... А сколько слёз было пролито в тревоге за судьбу героев, которых уводят в лес на съедение диким зверям. Но ведь это сохранившийся отголосок древних жестоких обычаев — принесение жертвы в неурожайный год... Сказки братьев Гримм проложили дорогу к неисчерпаемым сокровищам народной фантазии.

Четыре сказки, которые и приношу читателю, написаны по мотивам немецкого фольклора. Сказки эти, за исключением «Гензель и Гретель», не входят в гриммовское собрание.

Помните, каждый век рассказывает сказку по-новому, каждый сказочник рассказывает сказку по-своему. Вот послушайте, что я вам расскажу.

Виктор Важдяев

Виктор Важдаев

ВОЛШЕБНЫЕ

СПИЦЫ

По мотивам немецких

народных сказок

Рисунки М. Майофиса

Издательство «Малыш», Москва, 1976

КАК

КРЕСТЬЯНИНЪ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ИСКАЛ

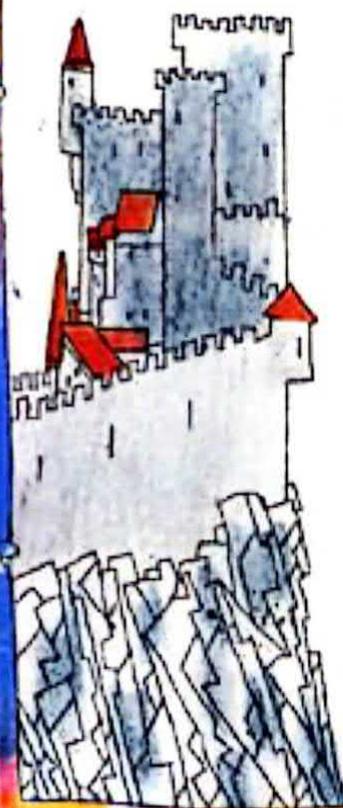

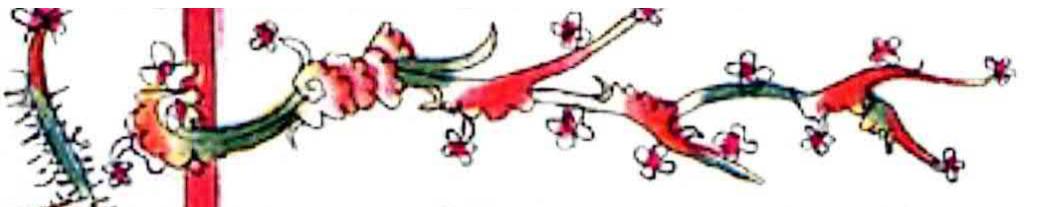
Жил на свете когда-то богатый и могущественный граф. Кладовые его замка были полны сокровищ, а сундуки с деньгами стояли в ряд, как солдаты. И все были доверху наполнены одними лишь золотыми монетами. Вот сколько богатства было у этого графа!

Замок его возвышался на высоком холме, окружённый неприступными стенами с башнями по углам. Его опоясывал глубокий ров, наполненный водой.

Свиреп был граф и своенравен.

— Мои кладовые набиты золотом, а мой замок выше всех замков нашего королевства, — говорил граф. — Значит, я — из всех графов первейший граф, и всё, чего не пожелаю, должно тут же исполняться!

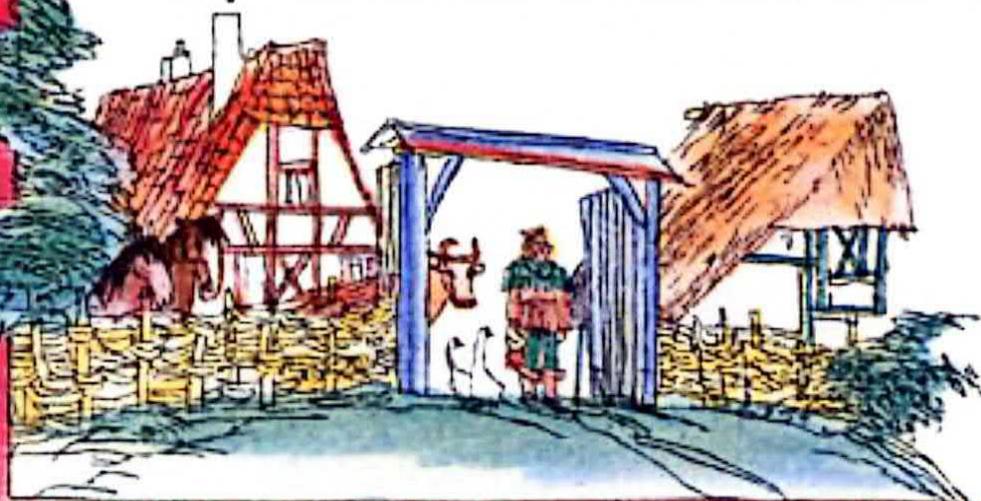
Однажды граф объезжал свои владения и увидел в стороне на пригорке хуторок. Весь в зелени стоял маленький крестьянский домик, а возле него — и скотный двор, и сарай, и колодец... Не торопясь, оглядел граф всё кругом: домик, сено, сложенное в стог, кур и гусей, которые паслись во дворе, и даже жёлтую весёлую изгородь.

— А хуторок недурён! — сказал граф и подскочил на своём резвом коне к самому дому, где в дверях его встретил хозяин.

— Послушай-ка, — сказал граф, — не продашь ли ты свой хутор? Он мне приглянулся!

— Ах, ваша милость! — ответил крестьянин. — Уж не обессудьте, но сделать этого я не могу. Здесь жили мои родители. Здесь жили родители моих родителей, жили прадеды и прапрадеды. Здесь и я хочу провести свою старость, и тут должны жить мои дети и дети моих детей. Так скажите сами, как я могу продать наш дом?!

— Ах ты, дерзкий мужик! — закричал граф: ему во что бы то ни стало хотелось заполу-

чить этот хуторок. — Да как ты смеешь спорить со мной, со знатнейшим сиятельным графом! Даю тебе сроку до утра: не исполнишь моего желания, худо тебе будет! — пригрозил граф, заворотил коня и ускакал прочь.

Покачал головой крестьянин, однако не испугался и сказал:

— Надо быть твёрдым в своём решении, и тогда угрозы не страшны!

На следующий день, чуть свет, граф снова

прискакал к крестьянину и ещё издали прокричал в нетерпении:

— Ну как, деревенщина, одумался? Продашь мне дом?

В ответ крестьянин вежливо поклонился и сказал:

— Я ещё вчера ответил, ваша милость: дом этот не продаётся.

— Не продаётся! — усмехнулся граф. — Ну, тогда знай, что я получу его даром!.. — И в гневе, нахлёстывая коня плетью, во весь опор поскакал к судье.

Знали судьи, что граф богат и знатен. Склонились перед ним до самой земли: мол, не можем в ваши графские глаза своими простыми несиятельными глазами смотреть! Не можем и не смеем!

Но граф на них прикрикнул:

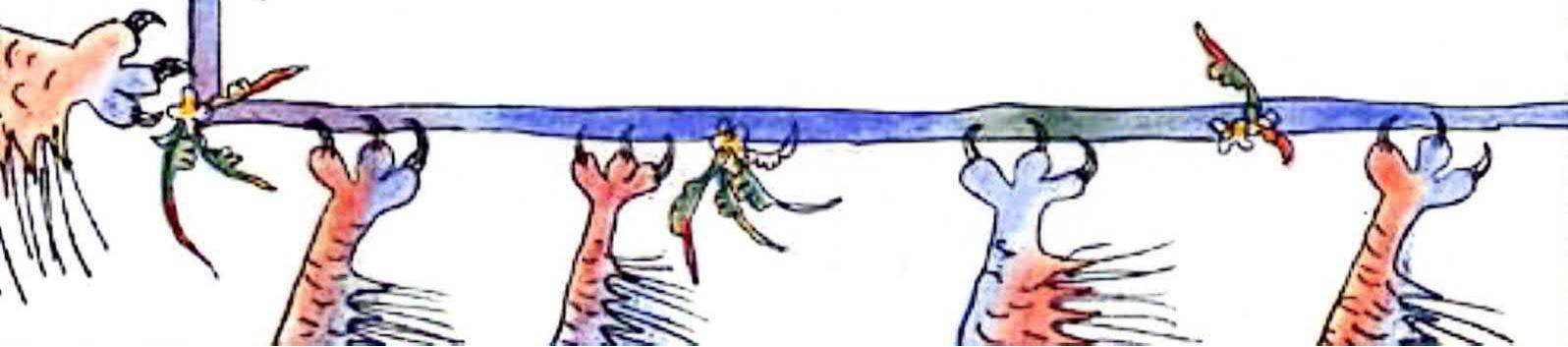
— Не до почестей мне сейчас! — и рассказал всё как было.

— Это дело пустое! — сказали судьи. — Мы его разом уладим.

Вызвали крестьянина и давай стращать:

— Ты что ж это, дурак, упрямишься? Тебе граф деньги предлагает, а ты отказываешься. Смотри! Пока не поздно, соглашайся.

— Как же я соглашусь, — говорит крестьянин, — когда в этом доме жили мои родители и родители моих родителей, жили прадеды и прапрадеды, и я тут живу и хочу жить до

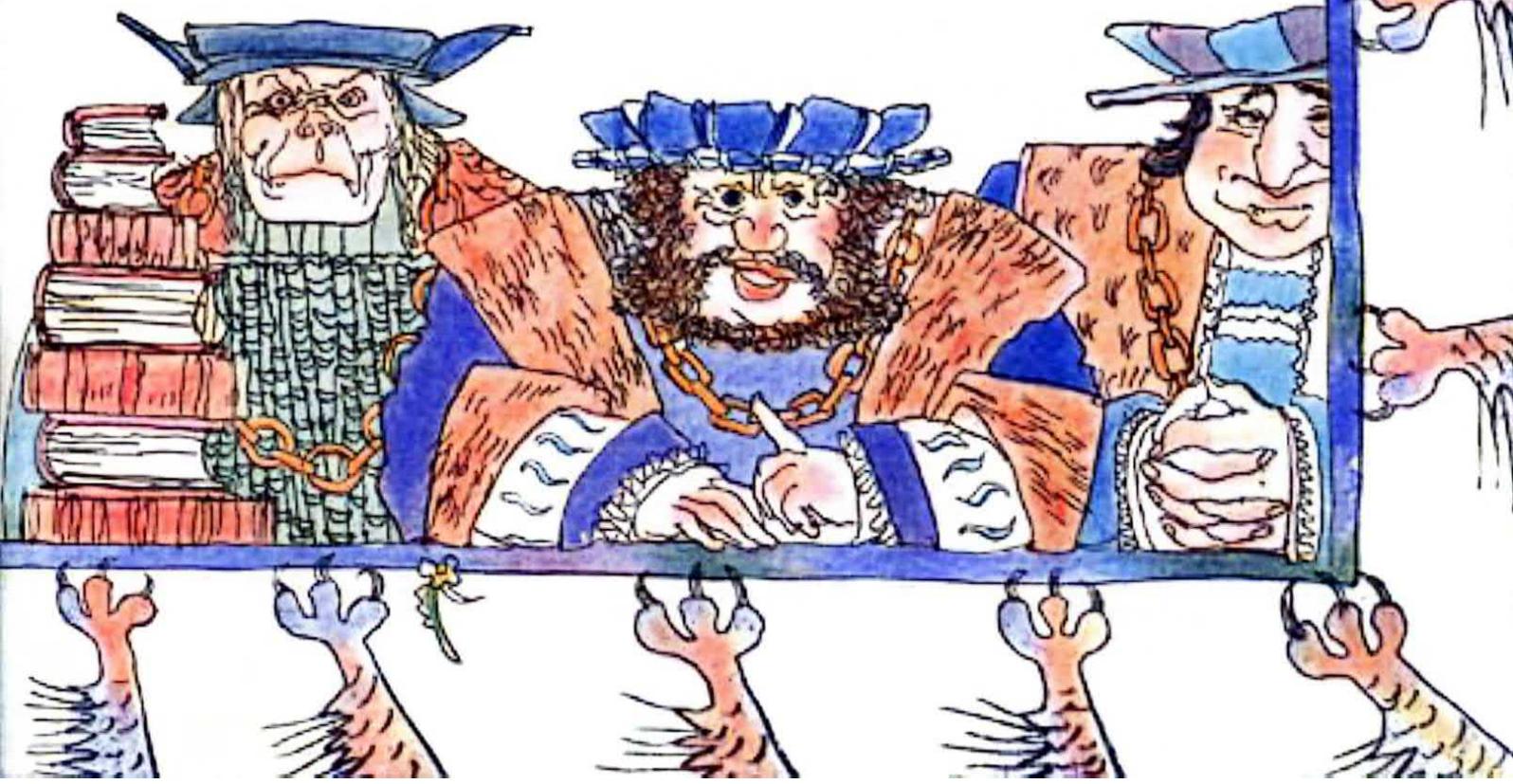

старости, и тут дети мои жить должны и дети их детей. Ну, скажите сами, судьи, учёные люди, как я могу наш дом продать!

— Ну, — сказали судьи, — коли ты, деревенщина, ума лишился и с самым сиятельным графом споришь, придётся тебе с ним судиться! Если граф пожелает, дом у тебя и так заберут. А самого взащей прогонят. Графу всего дороже справедливость, и наказал он нам решить дело по совести. Вот мы и будем твою тяжбу с графом разбирать.

— Какая там тяжба? — сказал крестьянин. — Мне с графом судиться не из-за чего: у него свой дом, у меня свой. Но если другого выхода нет, так решайте дело по справедливости.

Принялись судьи судить. День судят, два судят, неделя прошла, а они всё судят. Графу хорошо, он вместо себя слугу прислал, тот в суде за него распинается, говорит, рта не

закрывает, а крестьянину-то какво! У него хозяйство на руках — землю пахать надо, дров привезти надо, коней ковать надо, за всем сам смотри, своими руками делай. Похудел крестьянин, помрачнел, но не уступает, крепко держится.

Тут ему судьи и говорят:

— Мы тебя столько дней судим, твоё дело по справедливости решаем, вот ты и обязан за наш суд заплатить, сколько положено.

— Как же я вам заплачу? — сказал крестьянин. — Нет у меня денег, да и судить-то меня я не просил.

А в это время графский слуга подаёт судьям мешок с деньгами и говорит:

— Это вам за то, что вы столько дней и так справедливо судите.

Ну, справедливые судьи и присудили графу хутор. А самого крестьянина постановили отправить на все четыре стороны: иди, куда хочешь. А не хочешь — всё равно иди.

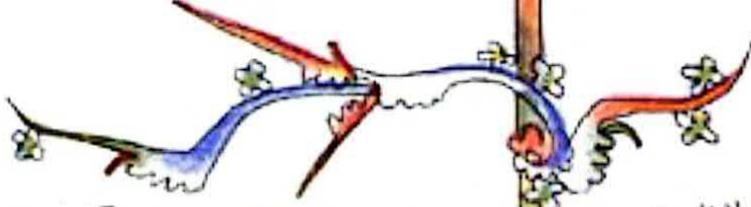
Тогда крестьянин их попрекнул:

— Эх, судьи, судьи, — сказал он, — видно, на земле нет больше справедливости, коли вы так дело решили! Но может, там, на небе, есть судья, который с вас сполна взыщет?

Засмеялись судьи, а самый старый сказал:

— Что ты мелешь, деревенщина! Какая ещё там, на небе, справедливость?! Справедливость-то давным-давно умерла!

— Ах, вон как! — сказал крестьянин. — По-

думать только, горе-то какое, была справедливость — и нет её!

— Иди, иди! — сказали судьи. — Да поторапливайся, убирайся из дома, а то у сиятельного графа терпение кончается!

Ничего им не ответил крестьянин.

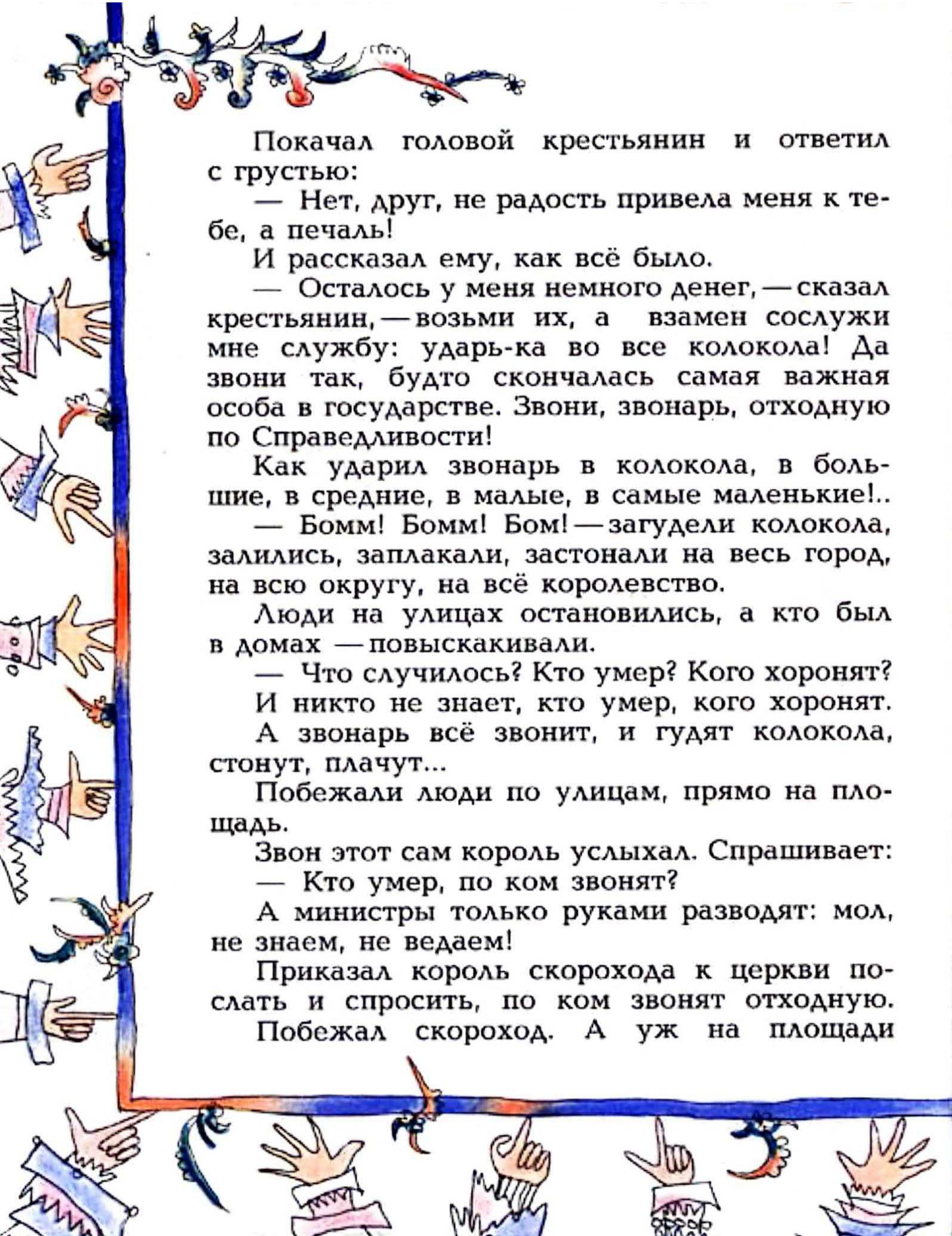
И пошёл прочь. Да только не к дому своему, а совсем в другую сторону — напрямик в город, где жил король, и недалеко от его дворца стояла самая большая в государстве

церковь, а возле церкви — маленький домик, всего в одно окошечко. Вот в это самое окошечко и постучал крестьянин, потому что в домике жил тот, кто был ему нужнее всех — звонарь.

— Здравствуй, звонарь! — сказал ему крестьянин и поклонился.

— Здравствуй! — отвечал тот. — Какая радость заставила тебя постучать в моё окно? Может, ты сына женишь или дочь замуж выдаёшь и хочешь, чтобы я весело зазвонил к свадьбе?

Покачал головой крестьянин и ответил с грустью:

— Нет, друг, не радость привела меня к тебе, а печаль!

И рассказал ему, как всё было.

— Осталось у меня немного денег, — сказал крестьянин, — возьми их, а взамен сослужи мне службу: ударь-ка во все колокола! Да звони так, будто скончалась самая важная особа в государстве. Звони, звонарь, отходную по Справедливости!

Как ударил звонарь в колокола, в большие, в средние, в малые, в самые маленькие!..

— Бомм! Бомм! Бом! — загудели колокола, залились, заплакали, застонали на весь город, на всю округу, на всё королевство.

Люди на улицах остановились, а кто был в домах — повыскакивали.

— Что случилось? Кто умер? Кого хоронят?

И никто не знает, кто умер, кого хоронят.

А звонарь всё звонит, и гудят колокола, стонут, плачут...

Побежали люди по улицам, прямо на площадь.

Звон этот сам король услышал. Спрашивает:

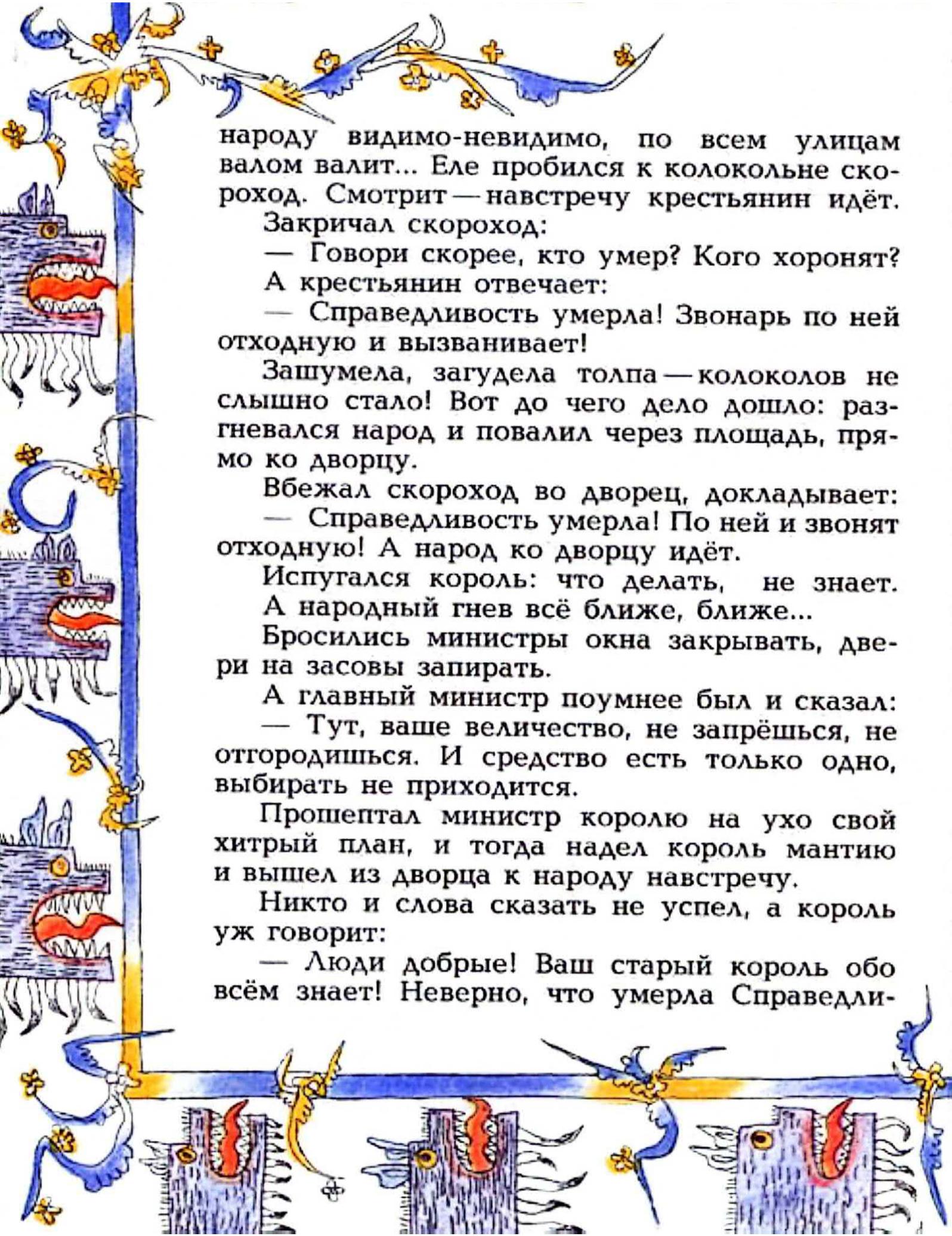
— Кто умер, по ком звонят?

А министры только руками разводят: мол, не знаем, не ведаем!

Приказал король скорохода к церкви послать и спросить, по ком звонят отходную.

Побежал скороход. А уж на площади

народу видимо-невидимо, по всем улицам валом валит... Еле пробился к колокольне скороход. Смотрит — навстречу крестьянин идёт.

Закричал скороход:

— Говори скорее, кто умер? Кого хоронят?

А крестьянин отвечает:

— Справедливость умерла! Звонарь по ней отходную и вызванивает!

Зашумела, загудела толпа — колоколов не слышно стало! Вот до чего дело дошло: разгневался народ и повалил через площадь, прямо ко дворцу.

Вбежал скороход во дворец, докладывает:

— Справедливость умерла! По ней и звонят отходную! А народ ко дворцу идёт.

Испугался король: что делать, не знает.

А народный гнев всё ближе, ближе...

Бросились министры окна закрывать, двери на засовы запирать.

А главный министр поумнее был и сказал:

— Тут, ваше величество, не запрёшься, не отгородишься. И средство есть только одно, выбирать не приходится.

Прошептал министр королю на ухо свой хитрый план, и тогда надел король мантию и вышел из дворца к народу навстречу.

Никто и слова сказать не успел, а король уж говорит:

— Люди добрые! Ваш старый король обо всём знает! Неверно, что умерла Справедли-

вость! Она только спала! И я сам разбуджу её! Вот моё королевское слово!

И приказал крестьянину его хуторок вернуть, а графа и подкупных судей наказать.

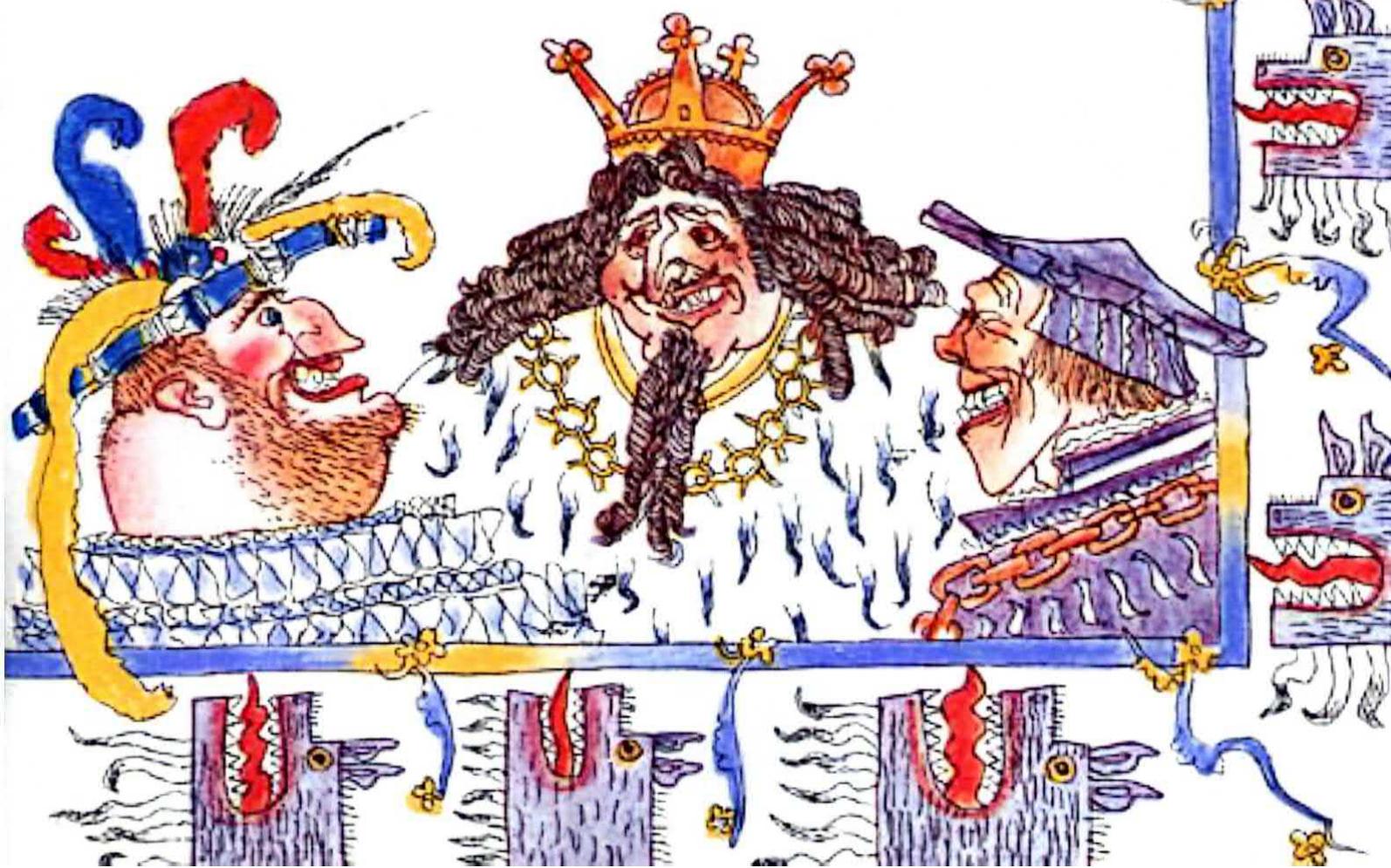
После этого люди по домам разошлись, крестьянин к себе уехал, а король во дворец возвратился царствовать.

Ну и что? Да ничего!

А Справедливость? Справедливость-то где?

Вот то-то и оно: много ли минуло времени, мало ли — только и страх у короля прошёл. Да и как того крестьянина по имени звали — никто уже не помнил.

И пошло всё в королевстве по-старому: король — во дворце, граф — в замке, судьи — в суде. А вот для Справедливости у них так места и не нашлось.

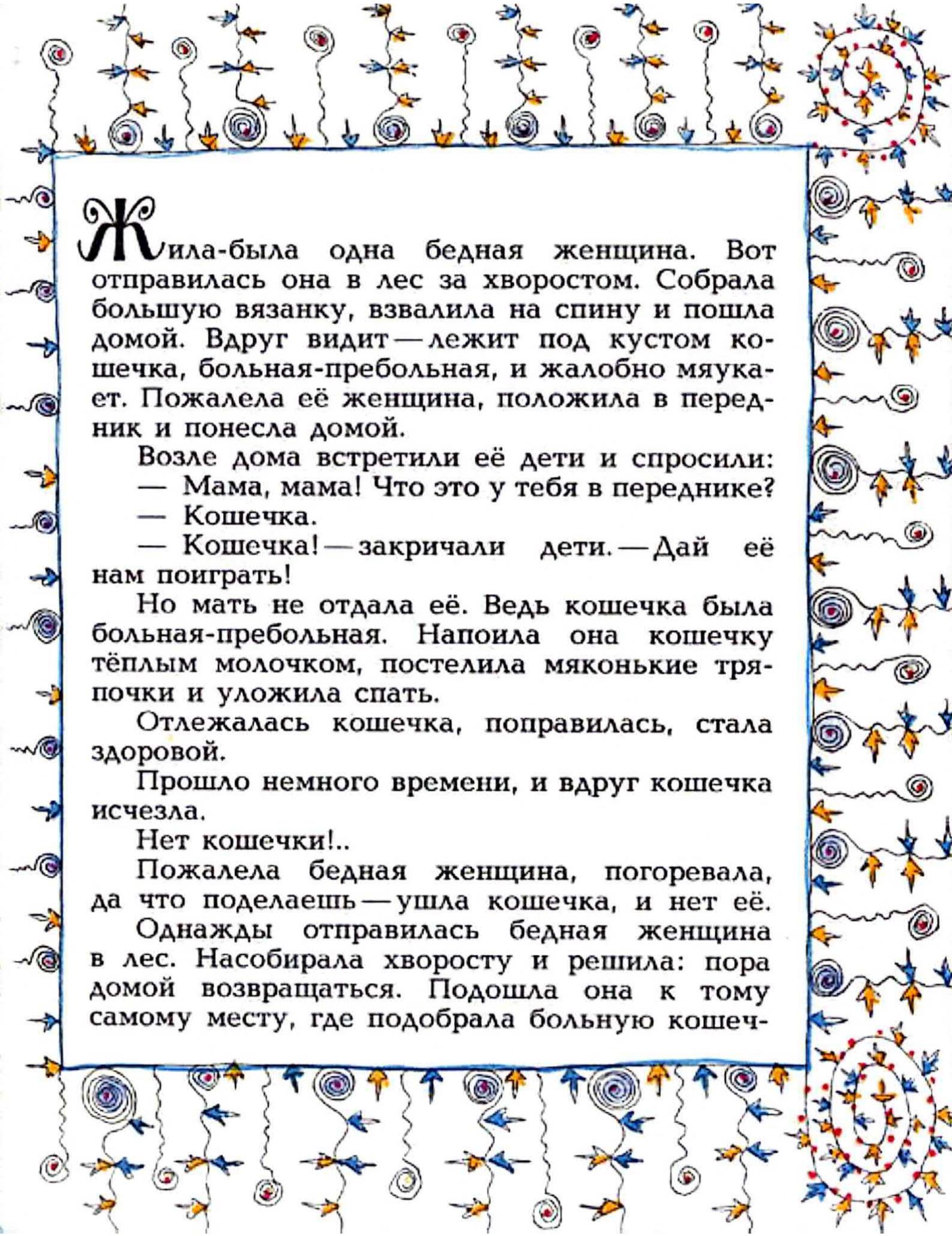

КОШЕЧКА

И ВЗРАДЬНЫЕ

СПИЦЫ

Жила-была одна бедная женщина. Вот отправилась она в лес за хворостом. Собрала большую вязанку, взвалила на спину и пошла домой. Вдруг видит — лежит под кустом кошечка, больная-пребольная, и жалобно мяукает. Пожалела её женщина, положила в передник и понесла домой.

Возле дома встретили её дети и спросили:

— Мама, мама! Что это у тебя в переднике?

— Кошечка.

— Кошечка! — закричали дети. — Дай её нам поиграть!

Но мать не отдала её. Ведь кошечка была больная-пребольная. Напоила она кошечку тёплым молочком, постелила мяконькие тряпочки и уложила спать.

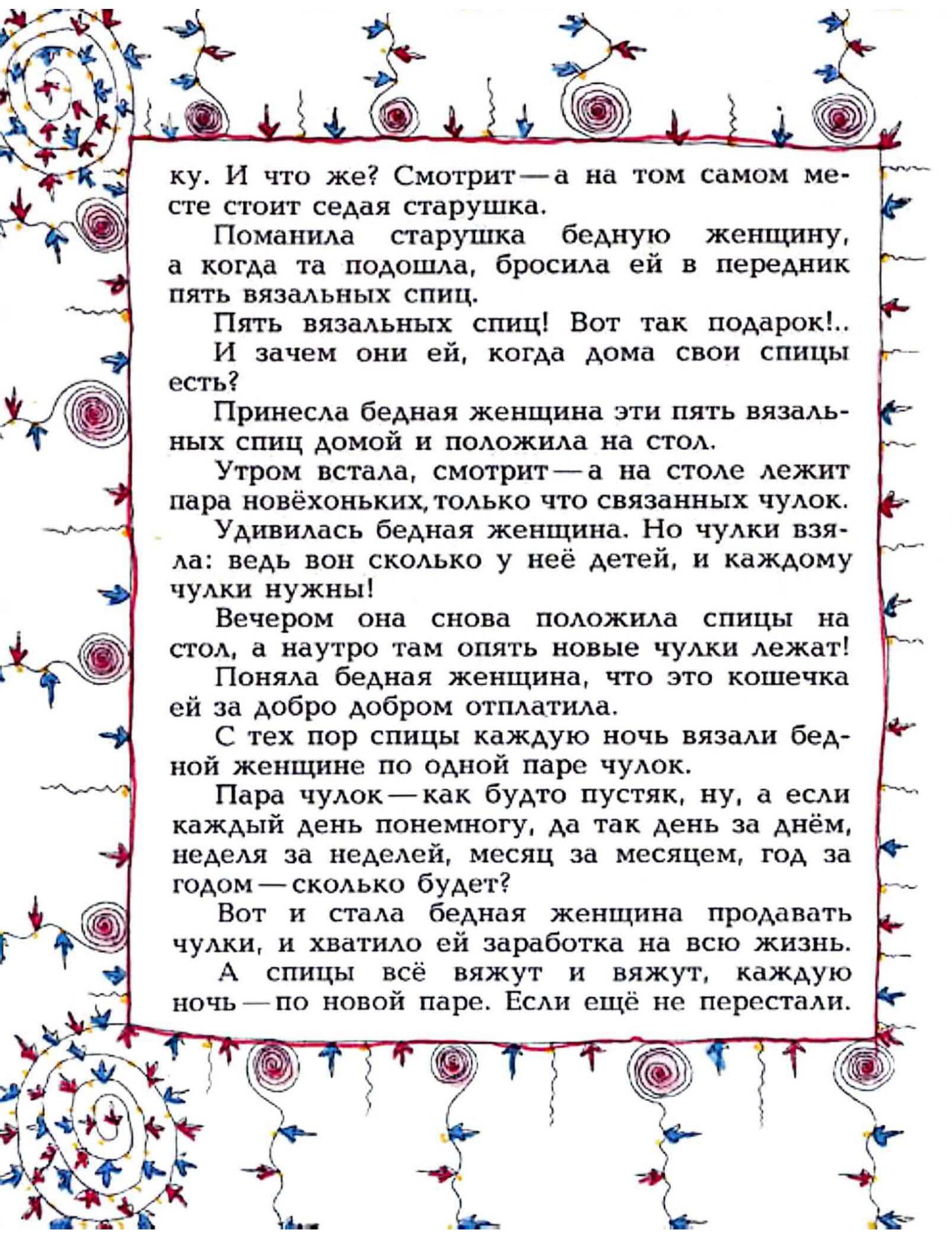
Отлежалась кошечка, поправилась, стала здоровой.

Прошло немного времени, и вдруг кошечка исчезла.

Нет кошечки!..

Пожалела бедная женщина, погоревала, да что поделаешь — ушла кошечка, и нет её.

Однажды отправилась бедная женщина в лес. Насобирала хворосту и решила: пора домой возвращаться. Подошла она к тому самому месту, где подобрала больную кошеч-

ку. И что же? Смотрит — а на том самом месте стоит седая старушка.

Поманила старушка бедную женщину, а когда та подошла, бросила ей в передник пять вязальных спиц.

Пять вязальных спиц! Вот так подарок!..

И зачем они ей, когда дома свои спицы есть?

Принесла бедная женщина эти пять вязальных спиц домой и положила на стол.

Утром встала, смотрит — а на столе лежит пара новёхоньких, только что связанных чулок.

Удивилась бедная женщина. Но чулки взяла: ведь вон сколько у неё детей, и каждому чулки нужны!

Вечером она снова положила спицы на стол, а наутро там опять новые чулки лежат!

Поняла бедная женщина, что это кошечка ей за добро добром отплатила.

С тех пор спицы каждую ночь вязали бедной женщине по одной паре чулок.

Пара чулок — как будто пустяк, ну, а если каждый день понемногу, да так день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом — сколько будет?

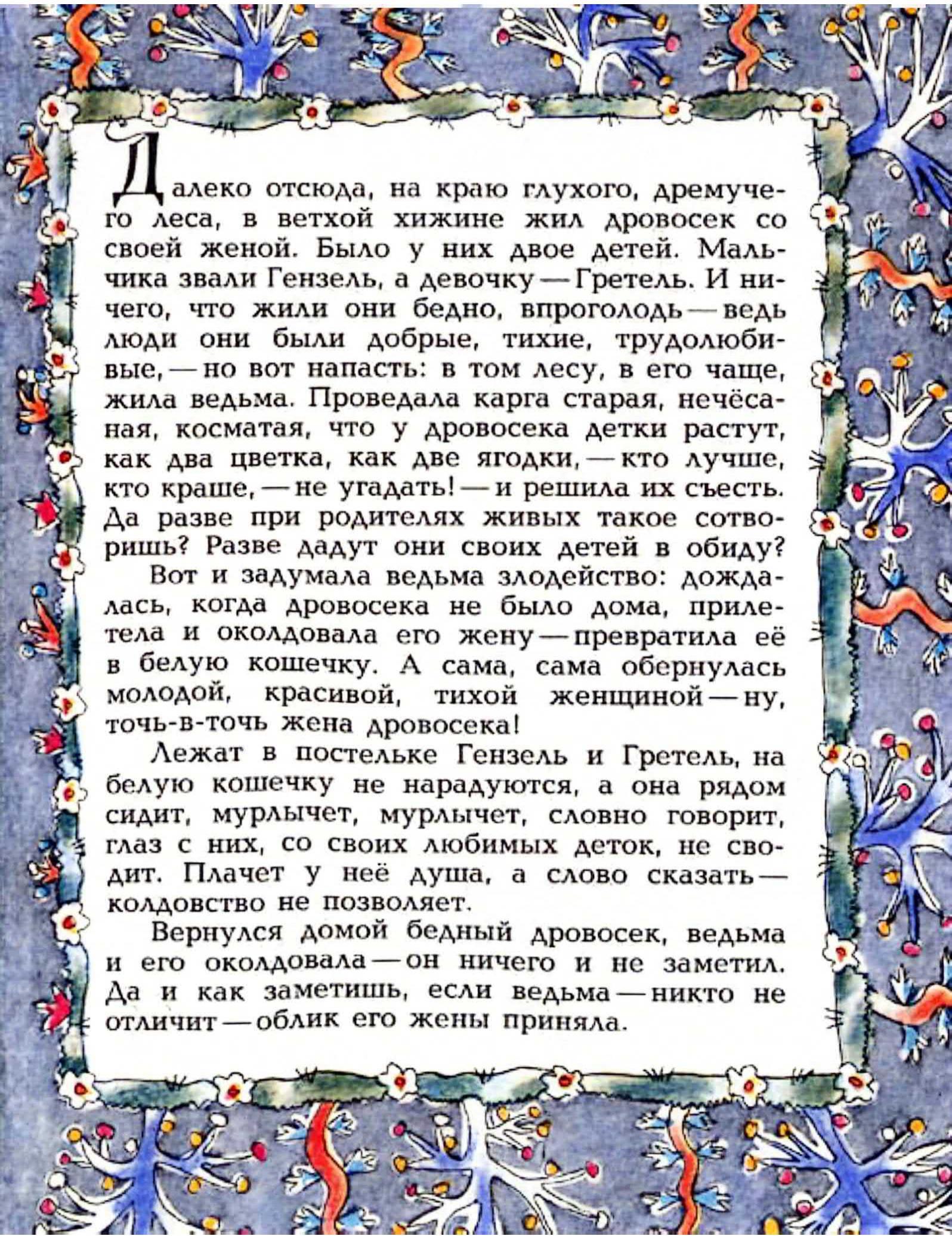
Вот и стала бедная женщина продавать чулки, и хватило ей заработка на всю жизнь.

А спицы всё вяжут и вяжут, каждую ночь — по новой паре. Если ещё не перестали.

ТЕНЗЕЛЬ и ТРЕТЕЛЬ

Далеко отсюда, на краю глухого, дремучего леса, в ветхой хижине жил дровосек со своей женой. Было у них двое детей. Мальчика звали Гензель, а девочку — Гретель. И ничего, что жили они бедно, впроголодь — ведь люди они были добрые, тихие, трудолюбивые, — но вот напасть: в том лесу, в его чаще, жила ведьма. Проведала карга старая, нечёсаная, косматая, что у дровосека детки растут, как два цветка, как две ягодки, — кто лучше, кто краше, — не угадать! — и решила их съесть. Да разве при родителях живых такое сотворишь? Разве дадут они своих детей в обиду?

Вот и задумала ведьма злодейство: дождалась, когда дровосека не было дома, прилетела и околдовала его жену — превратила её в белую кошечку. А сама, сама обернулась молодой, красивой, тихой женщиной — ну, точь-в-точь жена дровосека!

Лежат в постельке Гензель и Гретель, на белую кошечку не нарадуются, а она рядом сидит, мурлычет, мурлычет, словно говорит, глаз с них, со своих любимых деток, не сводит. Плачет у неё душа, а слово сказать — колдовство не позволяет.

Вернулся домой бедный дровосек, ведьма и его околдовала — он ничего и не заметил. Да и как заметишь, если ведьма — никто не отличит — облик его жены приняла.

Повздыхал, повздыхал дровосек и говорит:
— Не принёс я домой ни денежки, ни кусочка хлеба! Что же теперь с нами будет? Как жить, как детей растить?

А жена его (ведь на самом-то деле это ведьма была) отвечает:

— Ничего нам, муженёк, не остаётся, как утром, только светать начнёт, завести их в лес, в самую чащу, и оставить там. Вот мы от них и избавимся!

— Что ты говоришь, жена! — сказал дровосек. — Такого я никогда не сделаю. Ведь это дети наши любимые!

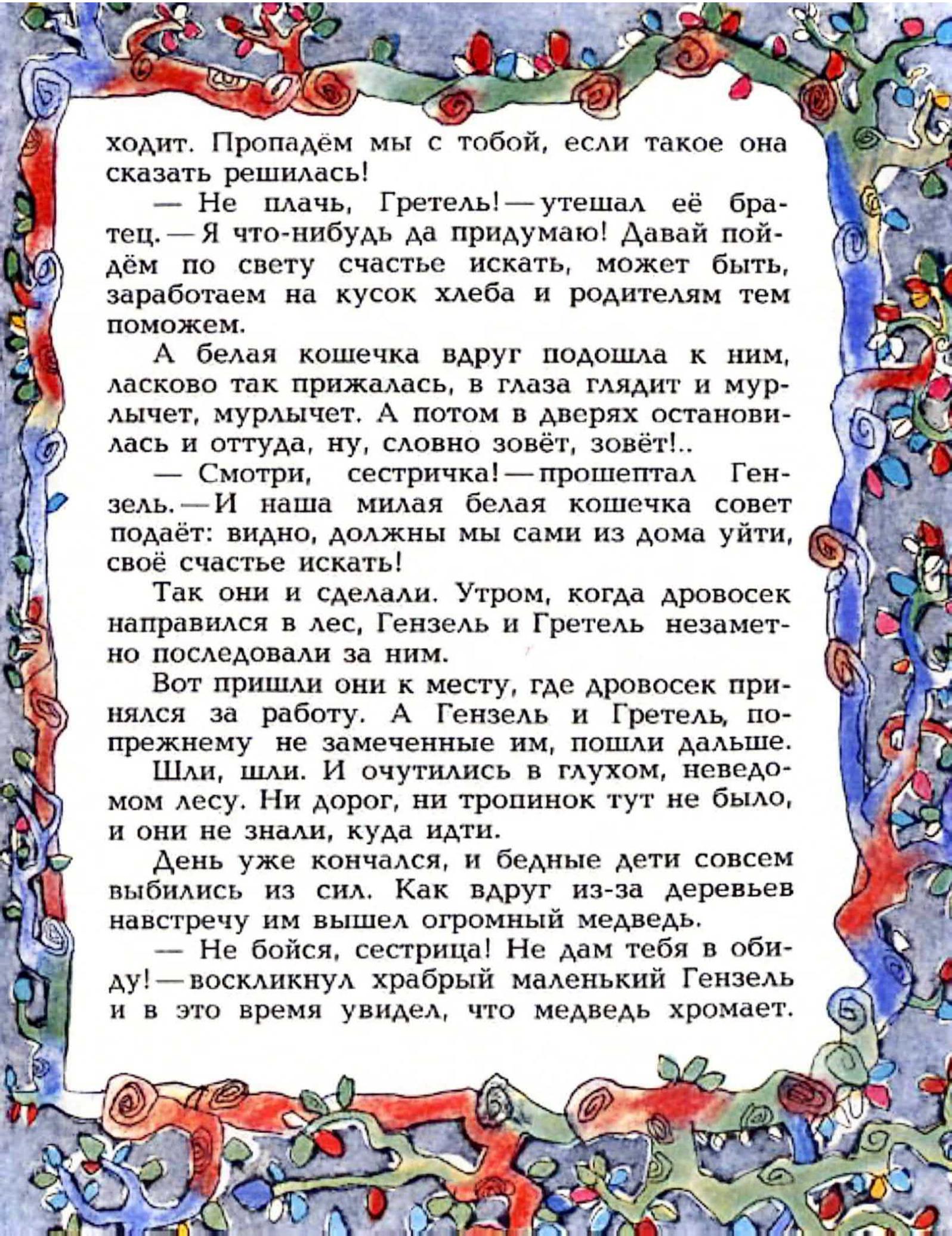
— Эх ты, простофиля! — сказала она. — Лучше нам двоим живыми остаться, чем всем помереть!

А Гензель и Гретель ещё не спали: повскакали, за дверью спрятались и весь разговор этот слышали.

Заплакала Гретель горькими слезами.

— Гензель, Гензель! Видно, конец нам при-

ходит. Пропадём мы с тобой, если такое она сказать решилась!

— Не плачь, Гретель! — утешал её братец. — Я что-нибудь да придумаю! Давай пойдём по свету счастье искать, может быть, заработаем на кусок хлеба и родителям тем поможем.

А белая кошечка вдруг подошла к ним, ласково так прижалась, в глаза глядит и мурлычет, мурлычет. А потом в дверях остановилась и оттуда, ну, словно зовёт, зовёт!..

— Смотри, сестричка! — прошептал Гензель. — И наша милая белая кошечка совет подаёт: видно, должны мы сами из дома уйти, своё счастье искать!

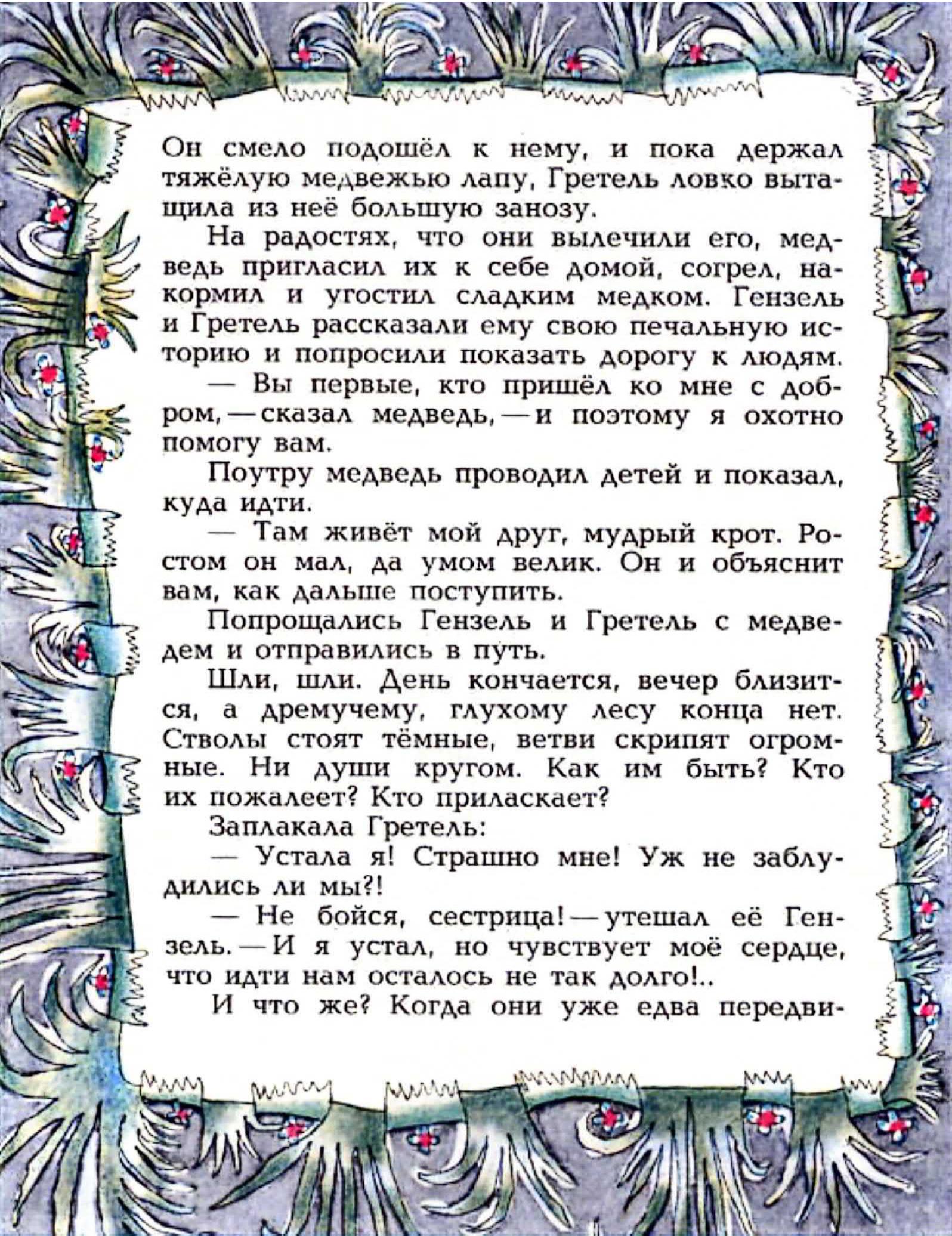
Так они и сделали. Утром, когда дровосек направился в лес, Гензель и Гретель незаметно последовали за ним.

Вот пришли они к месту, где дровосек принялся за работу. А Гензель и Гретель, по-прежнему не замеченные им, пошли дальше.

Шли, шли. И очутились в глухом, неведомом лесу. Ни дорог, ни тропинок тут не было, и они не знали, куда идти.

День уже кончался, и бедные дети совсем выбились из сил. Как вдруг из-за деревьев навстречу им вышел огромный медведь.

— Не бойся, сестрица! Не дам тебя в обиду! — воскликнул храбрый маленький Гензель и в это время увидел, что медведь хромает.

Он смело подошёл к нему, и пока держал тяжёлую медвежью лапу, Гретель ловко вытащила из неё большую занозу.

На радостях, что они вылечили его, медведь пригласил их к себе домой, согрел, накормил и угостил сладким медком. Гензель и Гретель рассказали ему свою печальную историю и попросили показать дорогу к людям.

— Вы первые, кто пришёл ко мне с добром, — сказал медведь, — и поэтому я охотно помогу вам.

Поутру медведь проводил детей и показал, куда идти.

— Там живёт мой друг, мудрый крот. Ростом он мал, да умом велик. Он и объяснит вам, как дальше поступить.

Попрощались Гензель и Гретель с медведем и отправились в путь.

Шли, шли. День кончается, вечер близится, а дремучему, глухому лесу конца нет. Стволы стоят тёмные, ветви скрипят огромные. Ни души кругом. Как им быть? Кто их пожалеет? Кто приласкает?

Заплакала Гретель:

— Устала я! Страшно мне! Уж не заблудились ли мы?!

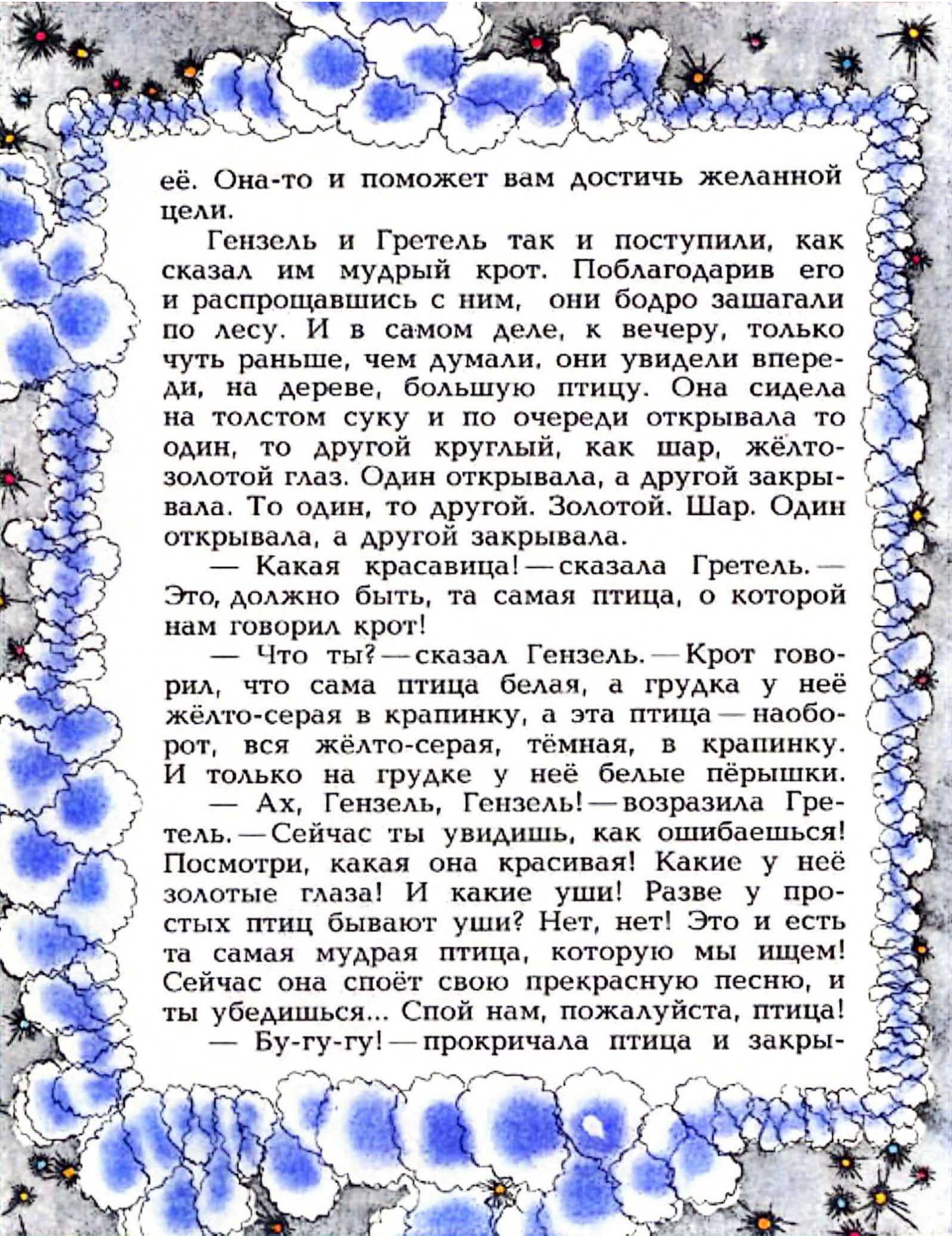
— Не бойся, сестрица! — утешал её Гензель. — И я устал, но чувствует моё сердце, что идти нам осталось не так долго!..

И что же? Когда они уже едва передви-

гали ноги от усталости, когда совсем выбились из сил, представляете себе, в эту самую пору они увидели маленького серенького, симпатичного крота. Он высунулся из своей норки и добродушно поглядывал на них подслеповатыми глазками.

— Да, — сказал крот, выслушав их печальную историю, — медведь — мой старый друг, и я охотно помогу вам, потому что вы хорошие, разумные дети. Лучше, действительно, пуститься в путь и самим искать своё счастье, чем ждать, когда вас заведут в лес и бросят. Ведь на этой земле всяк должен делать своё дело: например, я всю жизнь, с самого детства, только и делаю, что рою, рою землю, как то положено каждому кроту!.. Так вот, внимательно слушайте меня. Лес этот велик, и вам самим не пройти его насквозь, чтобы выйти по другую сторону, где живут люди. Переночуйте-ка у меня. В норе тепло и уютно, а завтра отправитесь в путь. Как раз к вечеру вы поспеете к тому дереву, на ветке которого увидите красивую белую птицу с жёлто-серой грудкой в крапинку. Она прекрасно поёт, и вы сразу узнаете

её. Она-то и поможет вам достичь желанной цели.

Гензель и Гретель так и поступили, как сказал им мудрый крот. Поблагодарив его и распрощавшись с ним, они бодро зашагали по лесу. И в самом деле, к вечеру, только чуть раньше, чем думали, они увидели впереди, на дереве, большую птицу. Она сидела на толстом суку и по очереди открывала то один, то другой круглый, как шар, жёлто-золотой глаз. Один открывала, а другой закрывала. То один, то другой. Золотой. Шар. Один открывала, а другой закрывала.

— Какая красавица! — сказала Гретель. — Это, должно быть, та самая птица, о которой нам говорил крот!

— Что ты? — сказал Гензель. — Крот говорил, что сама птица белая, а грудка у неё жёлто-серая в крапинку, а эта птица — наоборот, вся жёлто-серая, тёмная, в крапинку. И только на грудке у неё белые пёрышки.

— Ах, Гензель, Гензель! — возразила Гретель. — Сейчас ты увидишь, как ошибаешься! Посмотри, какая она красивая! Какие у неё золотые глаза! И какие уши! Разве у простых птиц бывают уши? Нет, нет! Это и есть та самая мудрая птица, которую мы ищем! Сейчас она споёт свою прекрасную песню, и ты убедишься... Спой нам, пожалуйста, птица!

— Бу-гу-гу! — прокричала птица и закры-

ла тот жёлтый глаз, который был открыт, и открыла тот жёлтый глаз, который был закрыт.

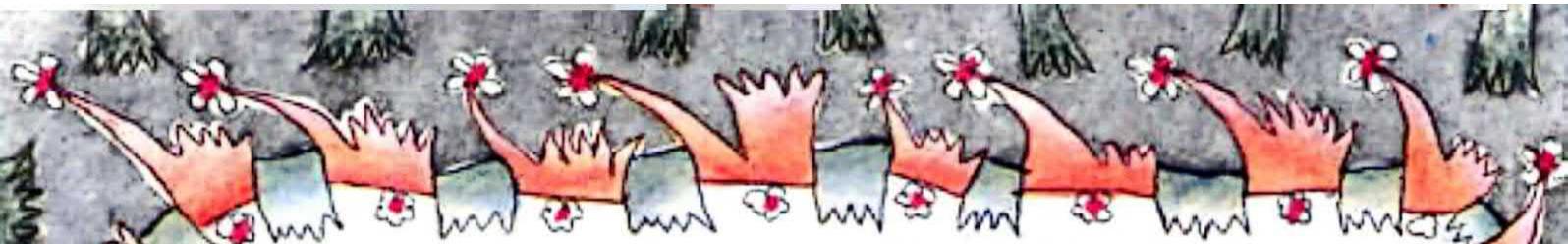
— Почему ты так странно поёшь? — спросил Гензель птицу.

— Я не пою, — сказала птица. — Я смеюсь. Я смеюсь от радости, что вы наконец-то пришли, мои милые детки! Потому что я ждала вас, чтобы помочь вам выйти из этого тёмного, глухого леса!.. Бу-гу-гу!

И тогда доверчивая Гретель рассказала птице их печальную историю.

Бедный Гензель! Бедная Гретель! Не знали они, что прекрасная белая птица была там, впереди, что к ней ещё надо было идти и идти! И что эта желтоглазая птица была верной слугой... Но подождите, ещё немного, и вы узнаете, чьей слугой была эта птица...

— Скорее! — сказала она, спустившись на

землю и вращая жёлтыми глазами: правым и левым, левым и правым — вот так, вот так! — Сейчас я вас перенесу на ту сторону леса!

И когда Гензель и Гретель уселись ей на спину, она хохоча поднялась с ними на воздух и полетела над деревьями, над лесом, сверкая жёлтыми глазами, под жёлтой луной, которая ярко сияла на тёмном небе.

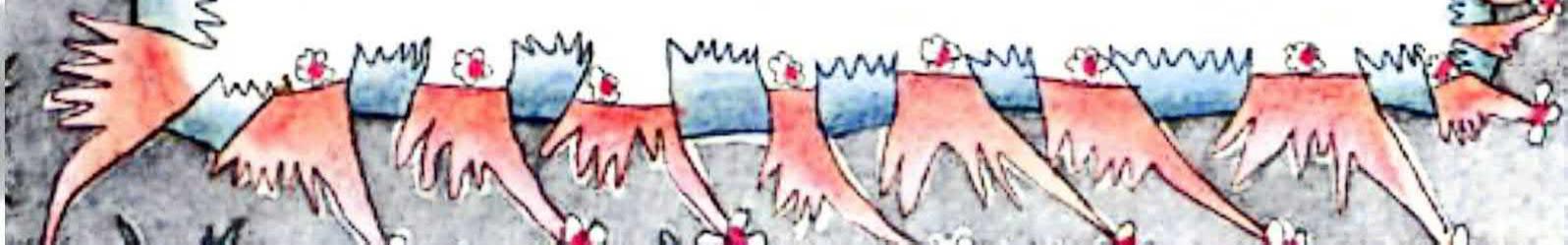
Сколько они летели? Воздух свистел по сторонам, с шумом хлопали крылья, лес и земля неслись под ними. Наконец... Нет, не думайте, что лес кончился. Не туда, совсем не туда, куда стремились дети, прилетела птица. Потому что она и не собиралась перенести их через лес, к людям. Ведь это была совсем не та птица, которую они искали, о которой им говорил мудрый крот. Эта птица занесла их в самую глушь, в лесную чащобу и опустилась на поляну, посреди которой стоял домик, а в нём светилось только одно оконце.

— Бу-гу-гу! — сказала птица, и, хотя она смеялась, Гензелю и Гретель стало страшно. — Вот мы и на месте! Здесь вас ждут! Бу-гу-гу!

И, сказав это, — птица исчезла.

Осторожно, затаив дыхание, взявшись за руки, подошли Гензель и Гретель к незнакомому домику.

Домик, домик! Да ведь он — пряничный! Кто бы мог подумать! Он сделан не из брёвен — из хлебцев, крыша — из пряников, а окошки — из настоящих леденцов.

То-то обрадовались дети! Гензель сразу отломил кусочек крыши, чтобы полакомиться пряником, а сладкожека Гретель взялась за окошко: ну, кто, скажите, кто из вас откажется от чудесного леденца?

А домик-то принадлежал... ведьме. Она нарочно сделала его пряничным, чтобы заманивать детей, особенно тех, которые чересчур уж любят сладкое и готовы ради него забыть

обо всём. Не верите? Давайте заглянем внутрь домика. О-о! Что там за шум? Ого! Это ведьма! Она пляшет от радости, что её верный слуга — смотрите, вот он сам, собственной персоной, сидит перед ней (теперь вам пора узнать, кто это был) — желтоглазый филин обманул Гензеля и Гретель. Это он назвался прекрасной птицей и принёс бедных детей прямо к дому старой ведьмы.

Но хватит любоваться ведьмой! Сейчас, когда Гензель ел кусочек крыши, то есть медовый пряник, а Гретель грызла кусочек окошка — сладкий леденец, дверь домика медленно отворилась и на пороге его показалась... милая старушка в чепчике.

— Здравствуйте, детки! — сказала старушка сладким голосом. — Вы, наверное, устали с дороги? Проходите, проходите! Мой дом всегда гостям рад! — И она ввела их в пряничный домик.

Здесь уже был накрыт стол с угощением, да таким, что нам всем не съесть, — столько было всего вкусного на этом столе!

Усталые, голодные, с каким удовольствием принялись Гензель и Гретель за еду!

А когда они наелись, милая старушка в чепце, — вы уже догадались, что это была ведьма, сразу преобразилась. И куда только исчезли её улыбка, и чепец, и сладенький голосок! Лохматая, страшная, с красными глазами, крючковатым носом, с клыками, которые торчали у неё изо рта, перед детьми предстала злая-презлая ведьма.

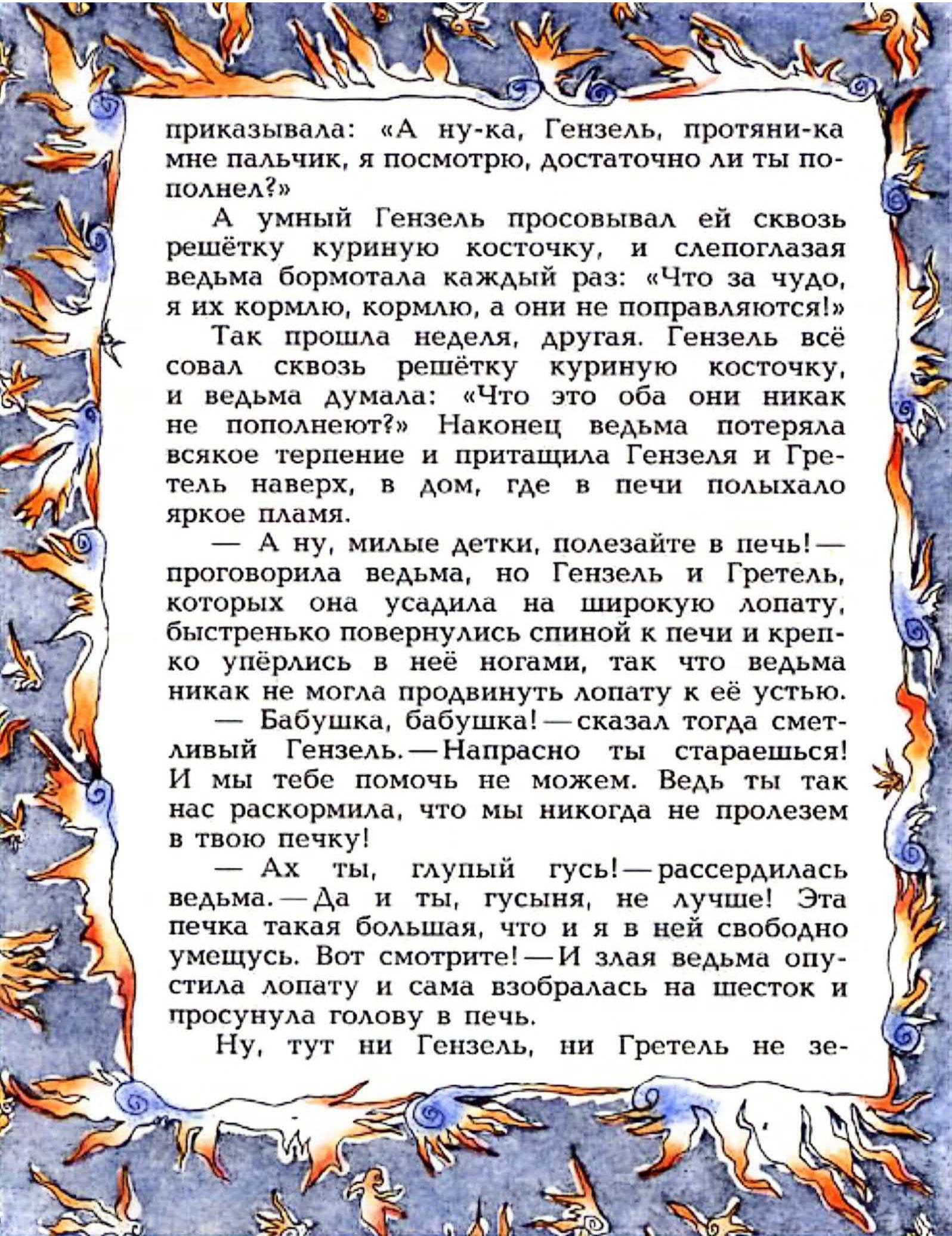
— Ага! — прокричала она хриплым голосом. — Попались, голубчики! — и она схватила Гензеля и Гретель и потащила вниз по каменной лестнице, на которой пахло плесенью и где на стенах лепились летучие мыши, потащила прямо в подвал.

Там она заперла их за железной решёткой и пообещала:

— Как только вы отдохнёте с дороги и поправитесь, — я вас съем!

Каждое утро приходила к ним ведьма, любовалась, какие они спят румяные и пухленькие — Гензель и Гретель, потирала крючковатые руки и говорила: «Вот приготовлю я себе лакомое блюдо!» — и только тогда будила их и

приказывала: «А ну-ка, Гензель, протяни-ка мне пальчик, я посмотрю, достаточно ли ты пополнил?»

А умный Гензель просовывал ей сквозь решётку куриную косточку, и слепоглазая ведьма бормотала каждый раз: «Что за чудо, я их кормлю, кормлю, а они не поправляются!»

Так прошла неделя, другая. Гензель всё совал сквозь решётку куриную косточку, и ведьма думала: «Что это оба они никак не поплнеют?» Наконец ведьма потеряла всякое терпение и притащила Гензеля и Гретель наверх, в дом, где в печи поыхало яркое пламя.

— А ну, милые детки, полезайте в печь! — проговорила ведьма, но Гензель и Гретель, которых она усадила на широкую лопату, быстренько повернулись спиной к печи и крепко упёрлись в неё ногами, так что ведьма никак не могла продвинуть лопату к её устью.

— Бабушка, бабушка! — сказал тогда сметливый Гензель. — Напрасно ты стараешься! И мы тебе помочь не можем. Ведь ты так нас раскормила, что мы никогда не пролезем в твою печку!

— Ах ты, глупый гусь! — рассердилась ведьма. — Да и ты, гусыня, не лучше! Эта печка такая большая, что и я в ней свободно умещусь. Вот смотрите! — И злая ведьма опустила лопату и сама взобралась на шесток и просунула голову в печь.

Ну, тут ни Гензель, ни Гретель не зе-

вали! В один миг подтолкнули ведьму — и она разом очутилась в печи!

Закрыли её железной заслонкой и заперли на задвижку.

— Бу-гу-гу! — вскрикнул филин.

Завыла ведьма. Вспыхнуло пламя. Раздался треск, грохот и...

Исчезла печь. Не стало домика, сгорела ведьма. А вместе с ней исчезло колдовство. А раз исчезло колдовство, то, вы понимаете

сами, Гензель и Гретель очутились прямо перед своим домом.

Ах, как они бежали домой! Ещё бы! Там с нетерпением их ждали любящие отец и мать! Ведь мы знаем, что колдовство исчезло и вместе с ним расколдовалась и белая кошечка, которая с такой любовью смотрела на них тогда и не могла сказать ни одного слова. А сейчас мама гладила их шелковистые головки и тоже не могла вымолвить ни слова, но теперь уже только от радости. А добрый, трудолюбивый дровосек тихонько шептал:

— Милые вы мои, умные детки! Действительно, лучше пуститься в путь и самим искать счастье, чем ждать, когда вас заве-

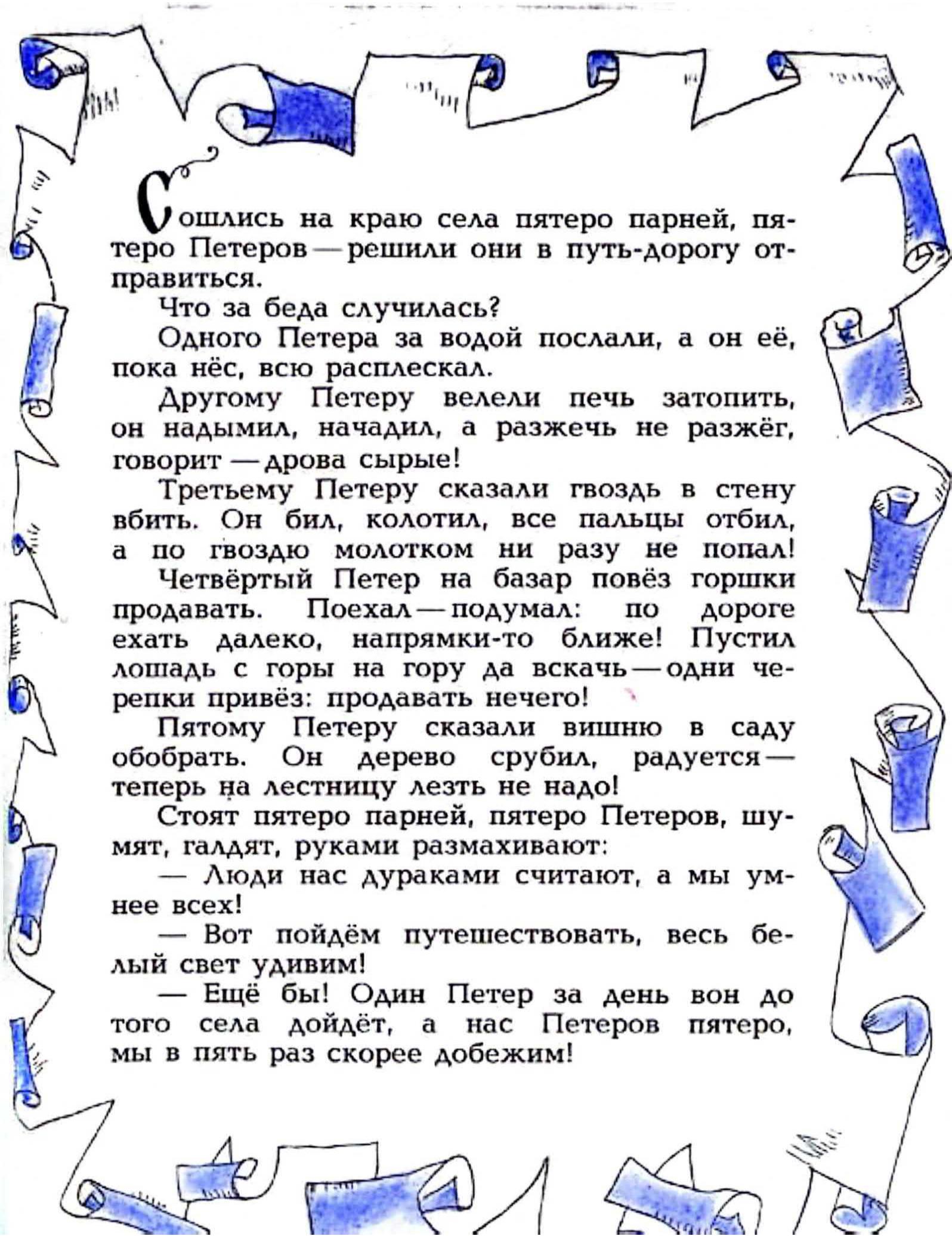
дут в лес и бросят. Ведь на этой земле всяк должен делать своё дело. Например, я всю жизнь, с самого детства, только и хожу в лес за хворостом и дровами. Только и хожу, хожу в лес, с самого детства...

ПЯТЕРО

ПЕТЕРОВ

С ошлись на краю села пятеро парней, пятеро Петеров — решили они в путь-дорогу отправиться.

Что за беда случилась?

Одного Петера за водой послали, а он её, пока нёс, всю расплескал.

Другому Петеру велели печь затопить, он надымил, начадил, а разжечь не разжёт, говорит — дрова сырые!

Третьему Петеру сказали гвоздь в стену вбить. Он бил, колотил, все пальцы отбил, а по гвоздю молотком ни разу не попал!

Четвёртый Петер на базар повёз горшки продавать. Поехал — подумал: по дороге ехать далеко, напрямки-то ближе! Пустил лошадь с горы на гору да вскачь — одни черепки привёз: продавать нечего!

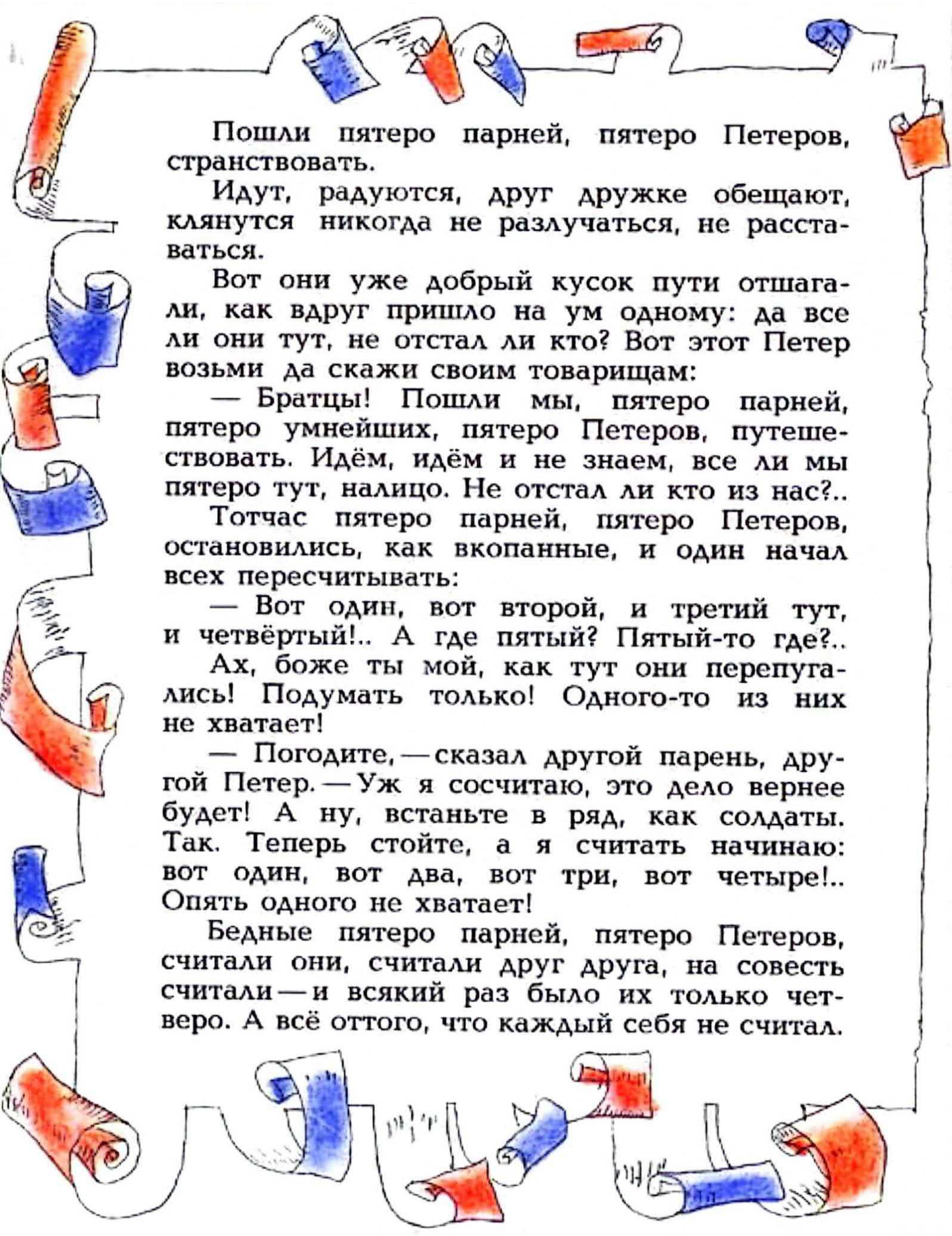
Пятому Петеру сказали вишню в саду обобрать. Он дерево срубил, радуется — теперь на лестницу лезть не надо!

Стоят пятеро парней, пятеро Петеров, шумят, галдят, руками размахивают:

— Люди нас дураками считают, а мы умнее всех!

— Вот пойдём путешествовать, весь белый свет удивим!

— Ещё бы! Один Петер за день вон до того села дойдёт, а нас Петеров пятеро, мы в пять раз скорее добежим!

Пошли пятеро парней, пятеро Петеров, странствовать.

Идут, радуются, друг дружке обещают, клянутся никогда не разлучаться, не расставаться.

Вот они уже добрый кусок пути отшагали, как вдруг пришло на ум одному: да все ли они тут, не отстал ли кто? Вот этот Петер возьми да скажи своим товарищам:

— Братцы! Пошли мы, пятеро парней, пятеро умнейших, пятеро Петеров, путешествовать. Идём, идём и не знаем, все ли мы пятеро тут, налицо. Не отстал ли кто из нас?..

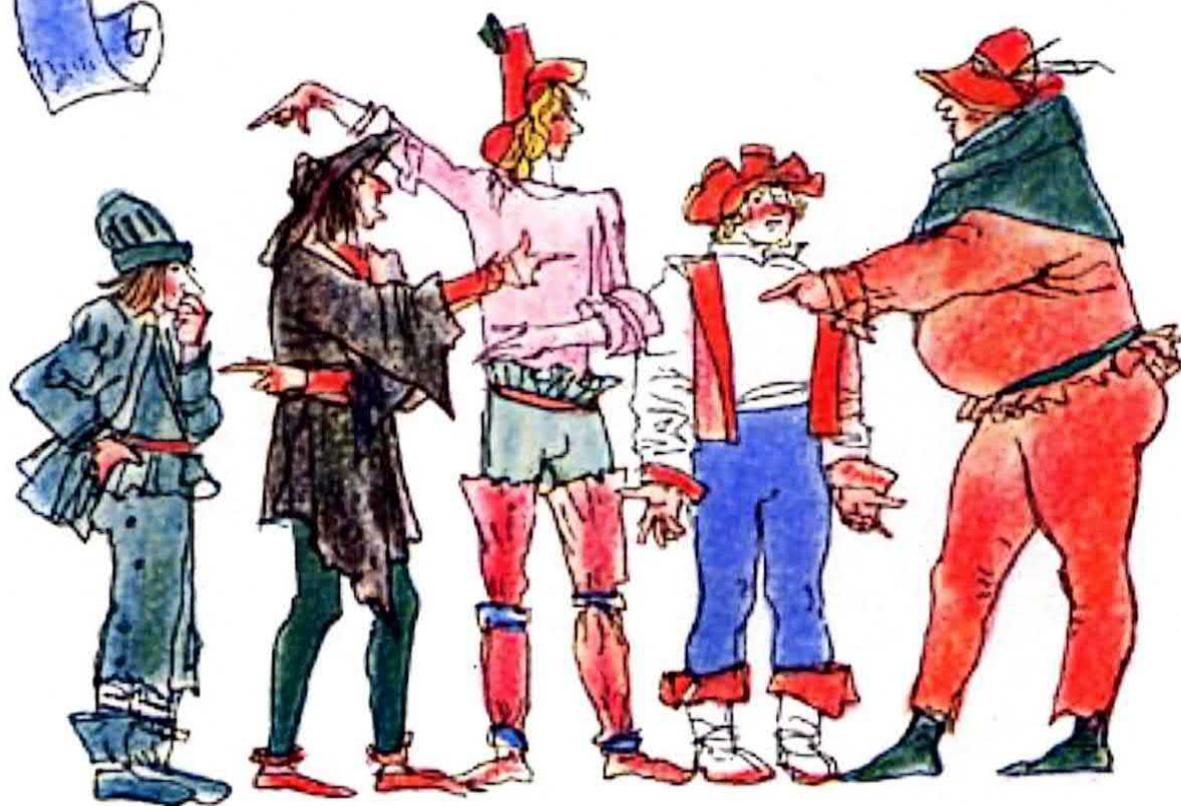
Тотчас пятеро парней, пятеро Петеров, остановились, как вкопанные, и один начал всех пересчитывать:

— Вот один, вот второй, и третий тут, и четвёртый!.. А где пятый? Пятый-то где?..

Ах, боже ты мой, как тут они перепугались! Подумать только! Одного-то из них не хватает!

— Погодите, — сказал другой парень, другой Петер. — Уж я сосчитаю, это дело вернее будет! А ну, встаньте в ряд, как солдаты. Так. Теперь стойте, а я считать начинаю: вот один, вот два, вот три, вот четыре!.. Опять одного не хватает!

Бедные пятеро парней, пятеро Петеров, считали они, считали друг друга, на совесть считали — и всякий раз было их только четверо. А всё оттого, что каждый себя не считал.

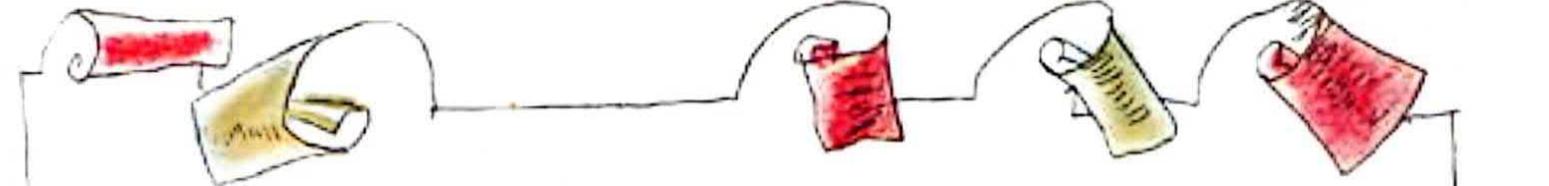
Тогда ещё один парень, один из умнейших, один из Петеров, сказал:

— Уж я придумал, так придумал! Я так сосчитаю, что вернее и невозможно. Вот слушайте, как я скажу: раз, два, три — так каждый своё имя выкрикнет. Сколько криков будет, столько тут Петеров и окажется. Ясно? Ну, раз, два, три!

Тут пятеро парней, пятеро Петеров, что было сил рывкнули: «Петер!» — да так громко, так дружно да враз, что только один наигромчайший крик и услышали.

— Вот чудно, — сказали они. — Выходит, что нас даже не четверо, а всего только один?!

Тут уж даже они, не глядите, что умнейшие были, и то совсем растерялись.

И стоять бы им на дороге и считаться до сих пор, если бы на их счастье не подошёл к ним прохожий. Подошёл он и спросил: что это с ними такое и о чём они так громко спорят?

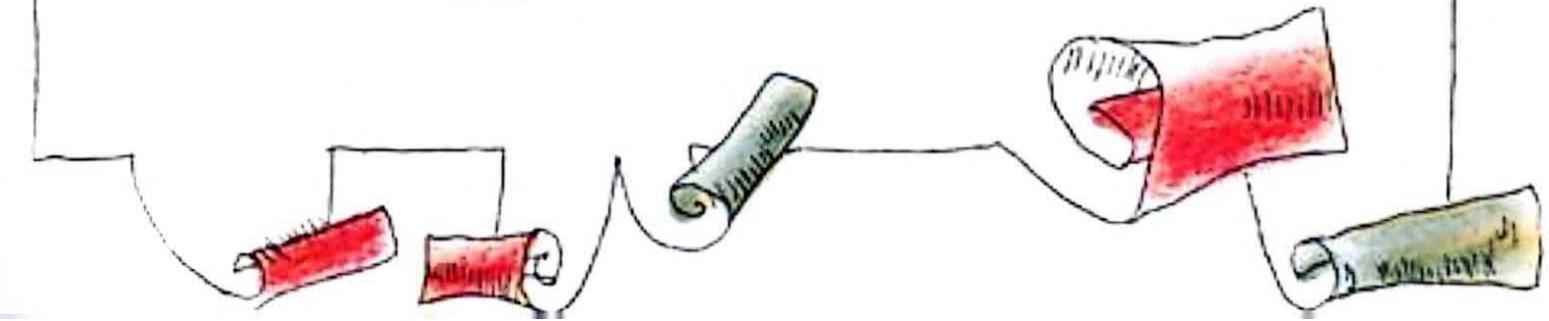
Пятеро парней, пятеро Петеров, сразу рассказали прохожему всё без утайки, и даже не забыли добавить, что люди их дураками считают, тогда как на самом-то деле они,

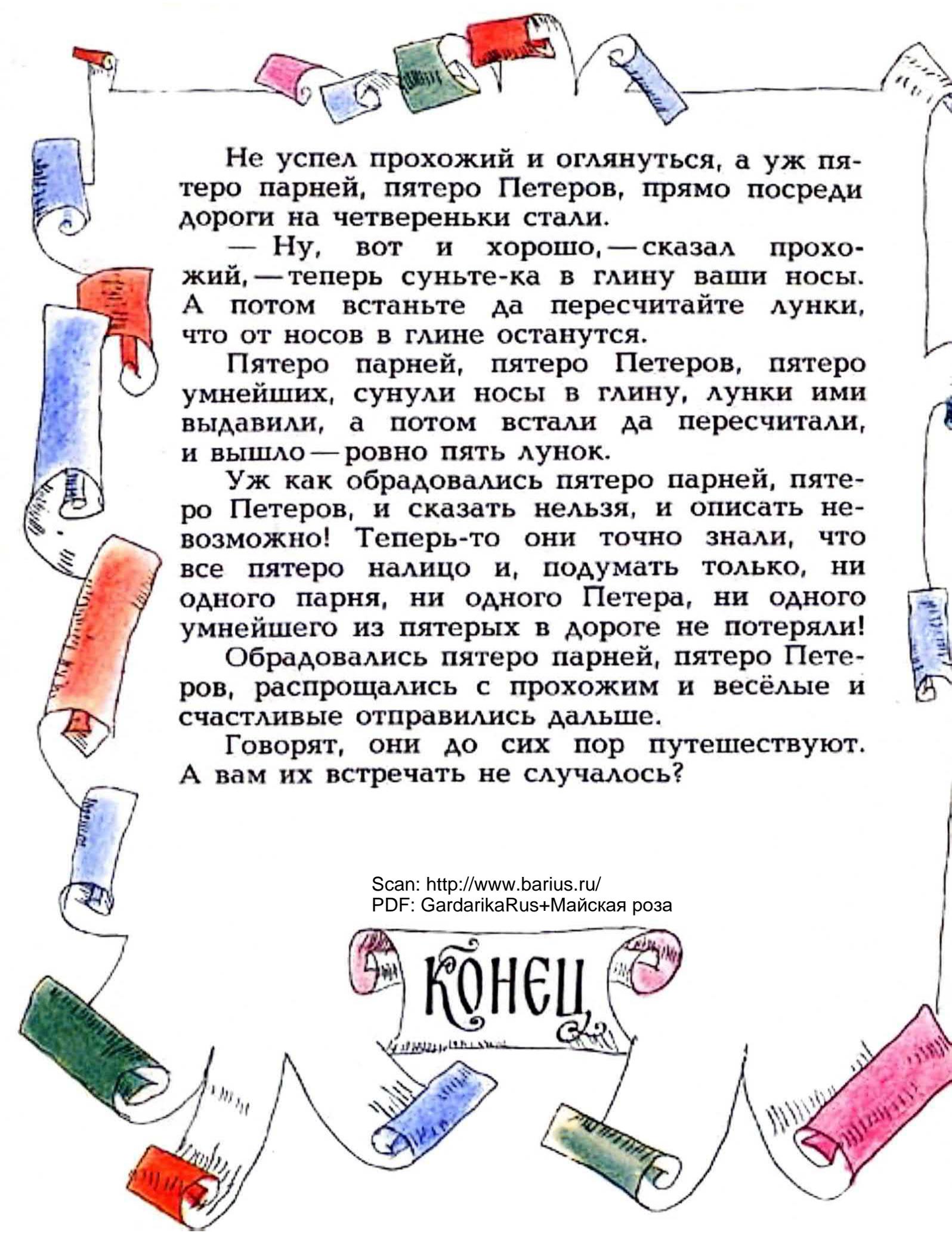
пятеро парней, пятеро Петеров, — умнее всех на свете.

Выслушал их прохожий и сказал:

— Я помогу вашей беде. Посоветую, как сосчитать, сколько вас парней, сколько умнейших, сколько Петеров, все ли вы на месте или кто отстал. Только для этого надо вам всем стать на четвереньки.

— Ну, это дело простое, — сказали пятеро парней, пятеро Петеров. — Руки, ноги — наши, захотим и станем.

Не успел прохожий и оглянуться, а уж пятеро парней, пятеро Петеров, прямо посреди дороги на четвереньки стали.

— Ну, вот и хорошо, — сказал прохожий, — теперь суньте-ка в глину ваши носы. А потом встаньте да пересчитайте лунки, что от носов в глине останутся.

Пятеро парней, пятеро Петеров, пятеро умнейших, сунули носы в глину, лунки ими выдавили, а потом встали да пересчитали, и вышло — ровно пять лунок.

Уж как обрадовались пятеро парней, пятеро Петеров, и сказать нельзя, и описать невозможно! Теперь-то они точно знали, что все пятеро налицо и, подумать только, ни одного парня, ни одного Петера, ни одного умнейшего из пятерых в дороге не потеряли!

Обрадовались пятеро парней, пятеро Петеров, распрощались с прохожим и весёлые и счастливые отправились дальше.

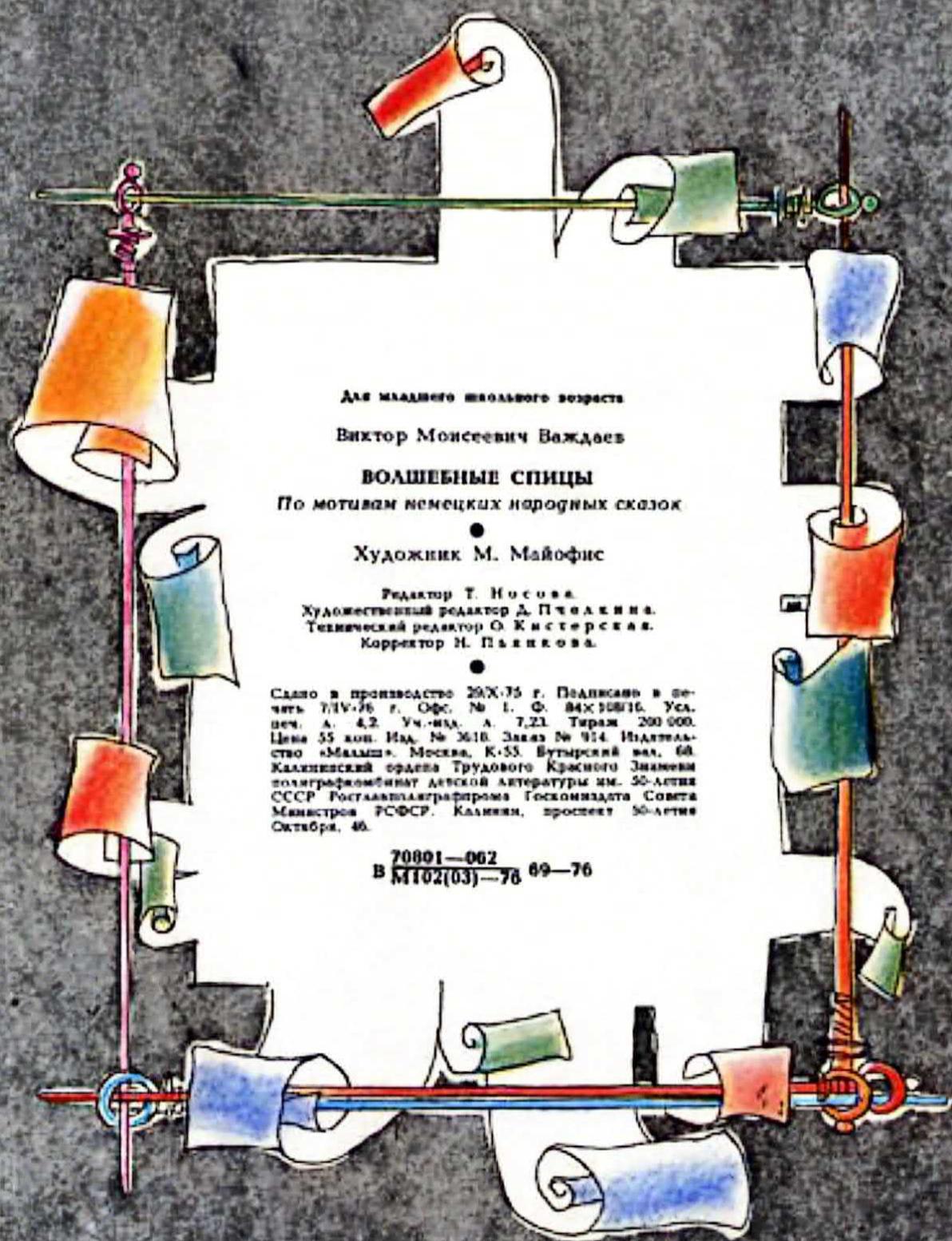
Говорят, они до сих пор путешествуют. А вам их встречать не случалось?

Scan: <http://www.barius.ru/>

PDF: GardarikaRus+Майская роза

КОНЕЦ

Для младшего школьного возраста

Виктор Моисеевич Важдов

ВОЛШЕБНЫЕ СПИЦЫ

По мотивам немецких народных сказок

Художник М. Майофис

Редактор Т. Носова.
Художественный редактор Д. Пчелкина.
Технический редактор О. Кистерская.
Корректор Н. Павикова.

Сдано в производство 29.V.76 г. Подписано в печать 7.IV.76 г. Форм. № 1. Ф. 84X108/16. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 7,21. Тираж 200 000. Цена 55 коп. Изд. № 3618. Заказ № 914. Издательство «Малыш», Москва, К-55. Вузынский вал, 68. Калининский орден Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР. Государственный издательский дом Советского Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

70801—062
В М102(03)—76 69—76